

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

Измена

Как уничтожить чужую семью,
не испачкав рук

18+

Александра Ветрова

**Измена. Как уничтожить
чужую семью, не испачкав рук**

«Автор»

2026

Ветрова А.

Измена. Как уничтожить чужую семью, не испачкав рук /
А. Ветрова — «Автор», 2026

Она узнала обо всём последней — когда любовница уже заняла её место за ужином, а муж спал на её простынях. Но Марина не стала кричать и бить посуду. Она просто нажала несколько кнопок — и мир, построенный на лжи, рухнул сам, без единого следа её рук. Это история не о мести, а о том, как из пепла предательства можно вырастить новую жизнь. О женщине, которая превратила собственную боль в холодный расчёт, но в конце концов выбрала не разрушение, а созидание. Она уничтожила чужую семью, но обрела свою — там, где не искала, — у тихого моря, в глазах мужчины, который не боялся её прошлого, и в сердце ребёнка, который стал её настоящей победой. Ироничный, психологичный и по-женски мудрый роман о том, что иногда самый страшный враг — это не изменник, а собственная готовность прощать, а самая сильная месть — это умение быть счастливой вопреки всему.

© Ветрова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ужин в четыре руки	5
Глава 2. Дом, где пахнет чужим	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александра Ветрова

Измена. Как уничтожить чужую семью, не испачкав рук

Глава 1. Ужин в четыре руки

Она всегда знала, что в этой жизни нет ничего случайного — даже то, каким боком ложится на тарелку вилка, или то, в какую именно секунду официант подносит бутылку с водой. Марина верила в порядок, в выверенную геометрию судьбы, где каждый угол просчитан, а каждая прямая линия ведет к логичному финалу. Именно поэтому, когда в четверг, ровно в восемь вечера, она вошла в ресторан «Север», она не сомневалась, что стол на двоих у дальней стены ждет именно ее, что скатерть будет ослепительно белой, а в вазе у окна — три строгих белых лилии, ни больше ни меньше.

Она не ошиблась. В этом ресторане все было правильно, все дышало той самой выверенной респектабельностью, которую так любил ее муж. Запах дорогого дерева, смешанный с ароматом трюфеля и шампанского, привычно щекотал ноздри, но сегодня этот запах показался Марине чужим. Слишком сладким. Слишком навязчивым. Она поправила на шее тонкую золотую цепочку — подарок на десятилетие брака, — и прошла к столику, чувствуя, как подошвы туфель на низком каблуке бесшумно скользят по паркету.

Ее муж, Андрей, уже сидел на месте. Он не поднялся, чтобы поприветствовать жену, лишь слегка приподнял бокал с красным вином и улыбнулся той небрежной, ленивой улыбкой, которая когда-то казалась Марине воплощением уверенности, а теперь скорее напоминала маску. Стекланную, гладкую, холодную маску, сквозь которую невозможно прочесть ни единой человеческой эмоции.

— Ты сегодня прекрасна, — произнес он механически, словно повторяя заученный текст. — Этот цвет тебе идет.

Она была в светло-сером платье в пол, почти сливающимся с сумерками за окном. Изумрудные серьги, которые Марина надела в последний момент, капризно блеснули в свете свечей. Она знала, что серый делает ее старше, но именно сегодня ей хотелось казаться старше, веселее, неприступнее. Она хотела смотреть на него сверху вниз, хотя физически он был почти на голову выше.

— Ты опоздала на семь минут, — добавил Андрей, бросив взгляд на часы. — Я уже заказал вино.

— У меня были дела, — ответила Марина, садясь напротив и аккуратно расправляя салфетку на коленях. Она не стала говорить, что эти семь минут она простояла в ванной перед зеркалом, пытаясь стереть с лица тень вчерашнего сна. Тот сон был странным, липким и мутным, как грязная вода в пруду: ей снилась чужая женщина, которая пила чай из ее любимой кружки, той самой, с трещинкой на дне, которую Андрей когда-то привез из командировки в Прагу. Женщина во сне улыбалась, и у нее были точно такие же серьги, как у Марины сегодня. Марина тогда проснулась с болью в висках и твердой уверенностью, что это не просто сон.

Но она не стала говорить об этом мужу. Вместо этого она взяла меню, толщиной в добрую книгу, и уткнулась в него, делая вид, что изучает ассортимент рыбных блюд. Андрей, напротив, не открывал меню. Он смотрел на нее поверх бокала, и его взгляд скользил по ее лицу, шее, плечам, оставляя на коже невидимые, но ощутимые следы. Марине казалось, что он проверяет, поменялось ли что-то в ней с прошлой их встречи. Но в его взгляде не было тепла — была настроенность. Как у зверя, который чувствует запах капкана, но еще не видит его.

— У нас сегодня есть повод? — спросила она, закрывая меню и встретив его взгляд. — Или просто ужин?

Андрей слегка откинулся на спинку стула. За его спиной, за огромным панорамным окном, растекался вечерний город — россыпь огней, далекие автомобильные сигналы и темное, почти черное небо, которое не обещало ни звезд, ни луны. Он молчал несколько долгих секунд, и в этой паузе было что-то тяжелое, вязкое, похожее на патоку.

— Просто ужин, — наконец выдохнул он. — Я хотел побыть с тобой. Мы редко бываем вдвоем.

Она кивнула, хотя внутри все сжалось в тугой комок. «Мы редко бываем вдвоем» — фраза, которую она слышала сотни раз за последние два года. И каждый раз, когда Андрей произносил ее, в его голосе звенела та же фальшивая нота. Но сегодня он был слишком спокоен. Слишком собран. Марина знала его пятнадцать лет и умела различать оттенки его голоса лучше, чем ноты в любимой симфонии. Сейчас, в четверг, в восемь часов вечера, его голос звучал как хорошо настроенный рояль, но внутри этого рояля застряла одна мертвая клавиша.

Официант принес закуски — деликатесные устрицы на льду, тонкие ломтики телятины с рукколой и пармезаном. Андрей жестом предложил Марине начать, но она покачала головой, сделав лишь глоток воды. Ей казалось, что если она сейчас что-то съест, это застрянет в горле, как та проклятая кость, о которую она подавилась на их первой совместной поездке в Париж. Помнится, тогда Андрей чуть не вызвал «скорую», он так испугался, что его руки тряслись, пока он пытался похлопать ее по спине. Сейчас он не испугается. Сейчас он даже не пошевелится.

— Мариш, — вдруг мягко произнес он, и это имя прозвучало странно-чужеродно, словно он проверял его на вкус. — Ты в порядке? У тебя какой-то бледный вид.

Она подняла на него глаза. В них не было привычной мягкости, только зеркальная гладь, в которой она отчетливо увидела собственное отражение — испуганное, постаревшее за одну секунду. Ей вдруг почудилось, что там, в зрачках мужа, мелькнула тень. Чей-то силуэт, длинные волосы, смех, который она слышала только в том жутком сне.

— Я в порядке, — сказала она, и ее голос дрогнул ровно настолько, чтобы Андрей это заметил. — Просто немного устала. Не выпалась.

— Опять эти дурацкие сны? — усмехнулся он, но в усмешке проскользнуло облегчение. Ему было легче, когда она жаловалась на бессонницу или головную боль. Ему было легче, когда она была слабой.

— Да, — коротко ответила Марина. — Мне приснилось, что у нас в доме кто-то есть. Чужой. Она пила чай из моей кружки.

Лицо Андрея осталось непроницаемым. Ни одна мышца не дрогнула, ни один нерв не выдал его. Но официант, стоящий неподалеку, вдруг качнулся и чуть не уронил поднос — так резко Андрей сжал под столом свою руку, едва слышно стукнув костяшками пальцев по деревянной столешнице. Звук был тихим, почти незаметным, но Марина услышала его. Она умела слышать то, что другие не замечали.

— Глупости, — произнес Андрей, и в его голосе впервые за весь вечер проскользнула сталь. — Какая еще кружка? Ты просто переутомилась. Может, тебе взять отпуск?

Он предлагал отпуск с таким же тоном, с каким врач предлагает таблетки неизлечимо больному — формально, без веры в результат. Марина кивнула, соглашаясь, и взяла в руки вилку. Устрица была ледяной, скользкой и безвкусной. Она жевала ее, думая совсем о другом. Она думала о папке, которую нашла три дня назад в его рабочем кабинете, когда искала старые фотографии. Папка без названия, запертая в ящике стола, который Андрей всегда держал закрытым.

Она не стала вскрывать замок. Она просто запомнила, что ящик был приоткрыт на пару миллиметров, и краешек бумаги, выглядывающий наружу, имел бледно-розовый цвет. Розо-

вый — цвет девичьих грез, цвет ее старых платьев, которые она уже не носила. А еще это был цвет конверта, который ей прислали из клиники месяц назад. Результаты анализов. Она не показывала их мужу. Она спрятала их там, где он никогда не искал — в собственной памяти, в собственном теле, которое больше не принадлежало ей.

— Андрей, — произнесла она, откладывая вилку и глядя на мужа в упор. — Ты никогда не задумывался, как легко разрушить то, что строилось годами? Одним движением, одним словом, одним неверным шагом?

Он замер. Его челюсть напряглась, и на виске, чуть выше левого уха, едва заметно дернулась жилка. Андрей не любил такие разговоры. Он не любил абстрактные философские вопросы за ужином, предпочитая обсуждать акции, недвижимость или новый проект. Любая попытка заговорить о чувствах, о судьбе или о хрупкости человеческих связей вызывала у него реакцию, похожую на аллергию: он начинал моргать чаще, его пальцы начинали выстукивать дробь по столу, а голос становился скрипучим, как несмазанная петля.

— Ты о чем? — спросил он, и этот вопрос прозвучал так, будто он спрашивал ее о погоде. Холодно, отстраненно, почти безразлично.

— Ни о чем, — улыбнулась она той самой улыбкой, которую он терпеть не мог. Той, которая означала «я все знаю, но ничего тебе не скажу». — Просто размышляю вслух. Иногда мне кажется, что мы сами себе враги. Что мы ломаем собственные дома, даже не заметив этого.

Он выдохнул и налил себе еще вина. Бокал был наполнен почти до краев, что говорило о его нервозности — обычно Андрей был скуп на вино, предпочитая держать голову ясной. Но сегодня он пил жадно, крупными глотками, словно пытался смыть с языка привкус ее слов.

— Ты слишком много думаешь, — бросил он, ставя бокал на стол с глухим стуком. — Мы пришли поужинать, а не устраивать психоанализ.

Она хотела ответить, но в этот момент ее телефон, лежащий в сумочке, завибрировал. Один раз, коротко, едва ощутимо. Марина не стала доставать его — она лишь перевела взгляд на окно, за которым густел вечер, и подумала о том, что за этим ужином, возможно, наблюдают. Возможно, тот человек, который сидит сейчас в ее гостиной, в ее кресле, пьет ее чай и дышит ее воздухом. Тот, кто, как она теперь точно знала, существовал на самом деле.

Андрей отвел взгляд. Он смотрел в тарелку, но не видел устриц — он видел что-то другое. Свой страх. Свой позор. Свою тайну, которая, как хитрая змея, начала расползаться по углам их общей жизни, оставляя на стенах невидимые, но ядовитые следы.

— Мы это переживем, — вдруг сказал он, и она не поняла, к чему это относилось — к ужину, к ее снам или к тому, что маячило за горизонтом их брака.

Марина медленно поднесла салфетку к губам и промокнула их. Ее руки не дрожали. Ее сердце билось ровно, хотя внутри все горело огнем, который она умело прятала под слоем ледяного спокойствия. Она знала, что сегодняшняя ужин — это не случайность. Это прощание. Но кто с кем прощался, она поняла лишь спустя минуту, когда официант вынес основное блюдо и поставил перед ней тарелку с рыбой.

Андрей, посмотрев на рыбу, побледнел. Его лицо посерело, а руки, которые еще секунду назад сжимали бокал, расслабились и упали на стол.

— Я не заказывал рыбу, — прошептал он.

— Это я заказала, — спокойно ответила Марина, беря нож и вилку. — Ты же знаешь, я люблю все планировать заранее.

Она отрезала кусочек и поднесла ко рту, с наслаждением вдыхая запах лимона и трав. Андрей смотрел на нее, и в его взгляде было нечто, чего она не видела никогда за все годы совместной жизни. Ужас. Не испуг, не тревогу — именно ужас.

«Как же я сразу не заметила», — подумала Марина, жуя рыбу и ощущая вкус победы, смешанный с горечью предательства.

Она знала, что сегодня они не вернутся домой вместе. Она знала, что к тому моменту, когда он войдет в их спальню, его вещей уже не будет в шкафу. Она знала, что копии ключей, которые она сделала вчера в мастерской на углу, уже лежат у нее в сумочке, и эти ключи откроют ей дверь в его тайную жизнь, туда, где он прятал свои страхи и свою любовь к той, другой.

Она не станет бить посуду. Она не станет кричать и рвать на себе волосы. Она просто съест эту рыбу, допьет эту воду, улыбнется мужу, и в следующий вторник, когда он придет в свой офис, обнаружит, что все его файлы исчезли, а банковский счет обнулился. Она просто нажмет несколько кнопок, и его мир, который он строил на песке и лжи, рухнет. Без единого звука. Без единого следа ее рук.

Она улыбнулась ему снова — широко, открыто, по-домашнему. И в этой улыбке было столько любви, что у Андрея перехватило дыхание.

— Наслаждайся ужином, дорогой, — сказала она. — Он у нас сегодня последний.

Глава 2. Дом, где пахнет чужим

Она не стала ждать, пока Андрей соберётся с мыслями и решит, что делать с недоеденной рыбой. Марина просто взяла сумочку, бросила на стол купюру, перекрывающую счёт с лихвой, и поднялась из-за стола с той же грациозной неторопливостью, с какой когда-то выходила из ЗАГСа, держа его под руку. Тогда ей казалось, что впереди вечность, вымощенная золотом и шёпотом. Теперь она знала: вечность закончилась ровно в тот момент, когда она увидела край розового конверта, выглядывающего из его стола.

— Ты куда? — спросил Андрей, и голос его прозвучал сипло, словно он подавился воздухом.

— Домой, — ответила она, не оборачиваясь. — Мне нужно кое-что проверить.

Он не стал её догонять. Она знала, что не станет. Андрей был из тех мужчин, которые не бегают за женщинами, — он предпочитал, чтобы женщины бегали за ним, как верные собачонки, виляя хвостами и принося тапки. Марина когда-то была такой собачонкой, но давно перестала. Она выросла, обзавелась клыками и острым чутьём, и теперь чутьё подсказывало ей: в её собственном доме её ждёт нечто большее, чем тишина и остывший чай.

На улице моросил мелкий осенний дождь — тот самый, который не промочит до нитки, но способен оставить на душе липкий, тоскливый осадок. Марина не стала брать такси. Она прошла пешком до набережной, вдоль которой стояли их любимые клёны, уже тронутые ржавчиной увядания, и позволила себе одну маленькую слабость — закурить. Она не курила уже семь лет, с тех пор как они решили завести ребёнка, но сейчас ей было плевать на все договорённости, на все «мы не будем» и «мы решим». Сейчас она хотела почувствовать, как горький дым раздрает лёгкие, как никотин впрыгивает в кровь, возвращая ей ту первобытную ярость, которая дремала в ней так долго, что Марина почти забыла о её существовании.

Она шла медленно, вдыхая влажный воздух, и думала о том, что её дом, тот самый, который они покупали с такой надеждой семь лет назад, перестал быть её крепостью. Теперь это был просто набор стен, окон и дверей, за которыми прятались чужие запахи, чужие следы, чужие волосы на подушке. Она не знала, как выглядит та женщина — у неё не хватило смелости заглянуть в телефон мужа, когда тот засыпал, оставляя экран разблокированным. Но Марина знала о ней всё остальное: её имя было Лена, она работала в той же компании, но в другом отделе, и она любила пить зелёный чай с жасмином, потому что в мусорном ведре Андрея Марина находила пустые пакетики именно из-под такого чая, хотя сама она всегда предпочитала чёрный с бергамотом.

Она подошла к дому — высокому, кирпичному, с широкими окнами, за которыми горел свет. Странно, но Марина точно помнила, что они с Андреем договорились выключить все лампы перед уходом, чтобы экономить электричество. Но в гостиной горел торшер, и его золотистый свет разливался по улице, как приглашение, как насмешка.

Она достала ключи, но не стала открывать дверь сразу. Она приложила ухо к холодной деревянной поверхности и прислушалась. Внутри было тихо, но эта тишина не была пустой — она была наполнена чужим дыханием, чужим присутствием. Марина услышала, как что-то звякнуло на кухне — тонко, стеклянно, так звенят ложки о стенки чашек, когда их небрежно ставят на стол. Сердце её ёкнуло, но она взяла себя в руки, повернула ключ и толкнула дверь.

Прихожая встретила её запахом жасмина и чужих духов — сладких, приторных, совсем не тех, что она выбирала для себя. На коврике стояли чужие туфли — изящные, на высоком каблуке, цвета мокрого асфальта. Рядом висело чужое пальто — кремовое, мягкое, с пушистым воротником, который Марина мгновенно возненавидела всем своим существом за то, что он прикасался к вешалке, на которой раньше висел только её шарф.

Она не крикнула: «Кто здесь?» Она не вызвала полицию и не стала метаться в истерике. Она просто сняла туфли, поставила их аккуратно рядом с чужими, повесила своё пальто поверх этого кремового безобразия, словно заявляя права на территорию, и прошла в гостиную.

Она сидела в её кресле. Та самая женщина — Марина не видела её лица, но видела длинные светлые волосы, струящиеся по спинке её любимого кресла, того самого, которое Андрей привёз из Италии и которое она берегла как зеницу ока. В руках женщина держала кружку. Ту самую, с трещинкой на дне. Кружку из Праги. Она пила зелёный чай и смотрела в окно с таким видом, будто была здесь хозяйкой, будто эти стены знали её имя, а не имя Марины.

— Здравствуйте, — тихо сказала Марина, и её голос прозвучал неожиданно спокойно, будто она обращалась к старой знакомой, которую давно не видела. — Вы, наверное, Лена?

Женщина вздрогнула и резко обернулась. Она была красивой — той самой яркой, нарочитой красотой, которой так не хватало Марине в её серых платьях и сдержанных причёсках. Большие карие глаза, пухлые губы, которые сейчас приоткрылись в изумлении, и румянец, заливший щёки мгновенной волной стыда или страха — Марина не могла точно определить.

— Я я не знала, что вы вернётесь так рано, — пролепетала Лена, ставя кружку на журнальный столик. Стекло звякнуло, и на дорогом полированном дереве осталось влажное кольцо — предательский след, который Марина запомнит надолго. — Андрей сказал, что вы сегодня что у вас деловая встреча.

— Андрей сказал? — переспросила Марина, проходя в комнату и садясь на диван напротив. Она сложила руки на коленях, как примерная школьница, и смотрела на гостью с выражением любопытства, а не ярости. — Андрей, значит, в курсе, что вы сидите в моём кресле и пьёте из моей кружки?

Лена побледнела. Её руки задрожали, она попыталась встать, но Марина жестом остановила её.

— Не вставайте. Нам нужно поговорить. По-женски, спокойно, без скандалов. Я не буду выгонять вас в трикотажных штанах и с невысохшей головой, как это делают в дешёвых сериалах. Я просто хочу понять, как вы оказались здесь. И как давно.

Лена закусила губу. Она явно не была готова к такому повороту — она ожидала криков, слёз, бития посуды, возможно, даже драки. Но не этой ледяной вежливости, от которой у неё, судя по всему, по коже пробежали мурашки.

— Полгода, — выдохнула Лена, и в голосе её проскользнула вина, но не раскаяние. — Мы встречаемся уже полгода. Он сказал, что ваш брак давно мёртв, что вы живёте как соседи, что он не может уйти только из-за раздела имущества.

— Ах, вот как, — кивнула Марина, и на её губах заиграла та самая улыбка, которую Андрей называл «улыбкой смерти». — Значит, я — просто помеха. Бумажка, которую нужно подписать. А вы — его настоящее счастье, его свежий ветер, его вторая молодость.

Она говорила это без капли сарказма, скорее с отстранённым интересом учёного, изучающего поведение подопытного насекомого. Лена, напротив, начала понемногу расправлять плечи, словно почувствовала, что Марина не представляет угрозы. Она даже позволила себе сделать глоток чая, демонстративно медленно, с наслаждением, будто играла свою роль в спектакле, где главная героиня должна быть дерзкой и уверенной.

— Послушайте, Марина, — заговорила Лена, и её голос обрёл стальные нотки, которых не было минуту назад. — Я не хочу делать вам больно. Но правда такова: он любит меня. Он хочет быть со мной. Мы с ним строим планы. У нас будет общий бизнес, мы уже присматриваем квартиру. Всё, что он делает — он делает ради меня.

Марина молчала. Она смотрела на эту женщину и поражалась той бездне наивности, которая светилась в её глазах. Лена верила в то, что говорила, — и это было самым печальным. Она верила в обещания Андрея, в его клятвы, в его «мы будем вместе». Марина когда-то тоже

верила. И у неё на это ушло пятнадцать лет, чтобы понять: Андрей никогда не уходит. Он просто находит новых женщин, пока старые ждут его у разбитого корыта.

— Я не буду мешать вам строить планы, — тихо сказала Марина, поднимаясь с дивана.

— Я даже не буду просить вас уйти сегодня. Но у меня есть одна просьба.

— Какая? — настороженно спросила Лена.

— Передайте Андрею, что завтра, в девять утра, я жду его в офисе. Не в том, где он работает, а в нашем, общем, юридическом кабинете. Там, где мы подписывали брачный договор. Скажите ему, что я хочу всё решить миром. Без судов, без адвокатов, без грязных разбирательств. Он получит то, что хочет. А я получу то, что хочу я.

Лена недоверчиво прищурилась, но Марина уже направилась к выходу из гостиной. Она остановилась только на пороге, чтобы бросить через плечо:

— И ещё, Лена. Вы любите жасминовый чай, я вижу. Но знаете, что хорошо к нему подходит? Горький шоколад. В баре, в нижнем ящике, есть плитка. Не благодарите.

Она вышла из гостиной, оставляя ошеломлённую любовницу наедине с её чаем и остывающей уверенностью. Марина поднялась на второй этаж, в спальню, где всё ещё пахло их совместным сном, но этот запах уже казался ей чужим, как и всё остальное.

Она не стала разбирать вещи Андрея. Она не стала рвать фотографии или плакать в подушку. Вместо этого она подошла к своему рабочему столу, который стоял у окна, открыла ноутбук и, глядя на отражение собственного лица в тёмном экране, начала печатать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.